

Твердой поступью

Дално уже, два-три часа назад, занявшись трудовой день в городе. Поздний вечер. Легкий дождь потихоньку шелестит в тополях и оставляет листья. А Николай Ефимович, помахивая портфелем, только еще идет домой.

Кто он? Один из тех очень отягченных рабочников, которых не хватает для смерчения срочных дел?

Товарищ Моргалов, шестидесятилетний пенсионер, месяц два назад, как теперь приятно говорить, «ушел на отдых».

Сейчас, в эту позднюю пору, он идет с толком что прочитанной им во Дворце культуры «Металлистами» «Город Калинин» шестой пятилетки. Он мягко улыбается, открывая под дождем дверь своей квартиры.

И мы вступаем в мир, где нет и не может быть праздности, но вечно живут неутомимая и неутомимая деятельность.

Дыхание Октября витает над фотографией этой семьи..

Начало ее — еще в прошлом столетии.

Отец и мать Николая Ефимовича всю жизнь проработали в цехах Тверской мануфактуры, ставшей потом «Пролетаркой». Семья была большой — кадровая рабочая семья. Пятеро сыновей. Михаил был изгнан с фабрики за участие в забастовке 1910 года и занесен в «черную книгу». Он вступил в партию сразу же после Октября, в 1918 году. Александр не дожил до Великой революции: был убит на фронте в первую мировую войну. Под Шенкенбургом, скрался против английских интервентов, был тяжело контужен и вскоре умер Владимир. Аркадий погиб в 1919 году в бою с отрядами Мамонтова под Еланью.

Так бились браты за советскую власть. Никого из них давно уже нет в живых. Но живет и крепнет дело Великого Октября, и преданные семье Моргаловых, Николай Ефимович,кладывает свою скромную долю в общую работу.

У Моргалова биография большая, сложная. Он учился в фабричной школе, в реальном училище и политехническом институте. Во время войны на турецком фронте под Трапезундом вел разведывательную работу и в 16-м Туркестанском стрелковом полку. Служил в Красной Армии и после демобилизации в 1922 году начал работу в кукулькомиссии «Пролетарки». Тут же и стал он «первым военным» Твери, организовав первую в городе и вторую в России группу юных пионеров. В годы Коммунистической партии вступила в 1925 году. Этому сопутствовал документ, который следует привести целиком, так он выразителен по убедительности и характерен для тех бурных и прекрасных лет. Документ был выдан фабричным райкомом комитета Тверской городской организации РКСМ в августе 1923 года и гласил: «Рекомендации Фабриком РКСМ рекомендует том Моргалову Н. Е. в руки РКП(б) как безупречное честное, коммунистическое настроение партии. Коротко и ясно».

Потом два десятка лет проработал Николай Ефимович руководителем Калининского областного дома учителя, ведь одновременно многообразную культурную деятельность. И вот — 63 года... пенсия.

В августе 1956 года Николай Ефимович в последний раз покинул дом учителя.

И возление, всегда сопровождающее большую перемену в жизни, и грусть. Как дальние будут? Всё покинет старой.

Но в старой гвардии не такие традиции. Не прошло и двух-трех

дней, как пенсионер Н. Е. Моргалов с портфелем в левой руке, проверяя, не забыты ли очки, шел читать лекцию по прусским районам комитета партии. Лекция подготовлена несколько, темы их израны и непрятливо слышны с историей, культурой, людьми, всей жизнью родного города: «Прошлое, настоящее, будущее Калинина», «Наш город в шестой пятилетке», «Литературные памятники Твери», «Капиталистический город Калинин», «О культуре поведения советского молодого поколения». Текст их и члены их необычны: аудитория слышит трехсот слово человека, который почти познала вся одна жизнью, дышала одним дыханием с этим древним городом большой культуры, городом почти тысячелетней истории, многими революционными событиями.

Такими были «музыкальные будни» на фабрике трех лет.

Теперь на «Пролетарке» — настоящий комбинат художественной самодеятельности, к творчеству присоединились союз текстильщиков. В одном только хоре русской народной песни — 120 человек. В первом запорожском году хору исполнилось 25 лет, и до сих пор поэтический концерт старейшего его участника, заслуженного писателя на фабрике Елены Ивановны Яковлевой и Прасковьи Семеновны Березиной. А кроме хора, есть еще танцевальные коллективы, три оркестра — духовой, русских народных инструментов, эстрадный.

Вот как живет теперь рабочий искусством там, где сорок лет назад негромко и почти «подпольно» звучали лишь нескользко простых инструментов.

Но даже в торжественных празднественных днях, как, впрочем, и всегда, Николай Ефимович беспокоит не только его текущие дела: лекции, экскурсии, рукоискусства. Всю старую гвардию волнуют национальные чувства и любовь к Отчизне, каждый, пусть сам малый этап ее судьбы.

Наступает теплый рабочий искусство там, где сорок лет назад национально и почти «подпольно» звучали лишь нескользко простых инструментов.

И наступает тепло, рабочий искусством, который, не ощущающий на своих плечах седьмого десятка лет, ведет по большому горючесу группу туристов, и льется универсальный, поистине вдохновенный русский песня. Моргалов известно всем наукою, и спиро-вокзальщиками, «запевальщиками» давних лет, когда Тверь двадцать раз подвергалась ужасающему взрывом и огнем: «твёрские цыганы» из А. Н. Островского, Пушкина, летописей, истории каждого дома и памятника, имени архитекторов строителей, странами созидающих будней города — от первого Октября до Октября тридцати девятого: деревни с гениальными стройками Заволжского, Ново-Промышленного и Пролетарского районов...

С особым чувством останавливает Николай Ефимович связи с писательницей на темно-материнском обрамлении «путевого звездочка екатерининских времен». На обелиске надпись: «1918—1924. Павшим бойцам за мировой Октябрь». Здесь похоронены товарищи Моргалова.

Ходило на Волгоград. Священник в пророках нового моста, который открывается в дни Октябрьского праздника. Священная крупа съевшая воду и сушу, плечи и булавы кудри огромного Афанаисия Родиона. Старая гвардия идет в поту со временем.

Горит матишинским узором Над нашей Родиной заря. Горит, занавеской «Аэрофора» В железном вираже Октября,

Бескрайне ярким крилатым

Она несет тепло свое,

Бездонный негр из южных штатов С надеждой смотрит на нее.

Благословленным лучами

Нам будет сея она светы,

И погаснет ее ветрами

И окончано не засиять.

К ее прекрасному горюю

Сердцами гнутые друзья,

Не потому ли враг в сияньи,

Что погасни зарю нельзя!

—

Горит матишинским узором

Над нашей Родиной заря.

Горит, занавеской «Аэрофора»

В железном вираже Октября,

Бескрайне ярким крилатым

Она несет тепло свое,

Бездонный негр из южных штатов С надеждой смотрит на нее.

Благословленным лучами

Нам будет сея она светы,

И погаснет ее ветрами

И окончано не засиять.

К ее прекрасному горюю

Сердцами гнутые друзья,

Не потому ли враг в сияньи,

Что погасни зарю нельзя!

—

Горит матишинским узором

Над нашей Родиной заря.

Горит, занавеской «Аэрофора»

В железном вираже Октября,

Бескрайне ярким крилатым

Она несет тепло свое,

Бездонный негр из южных штатов С надеждой смотрит на нее.

Благословленным лучами

Нам будет сея она светы,

И погаснет ее ветрами

И окончано не засиять.

—

Горит матишинским узором

Над нашей Родиной заря.

Горит, занавеской «Аэрофора»

В железном вираже Октября,

Бескрайне ярким крилатым

Она несет тепло свое,

Бездонный негр из южных штатов С надеждой смотрит на нее.

Благословленным лучами

Нам будет сея она светы,

И погаснет ее ветрами

И окончано не засиять.

—

Горит матишинским узором

Над нашей Родиной заря.

Горит, занавеской «Аэрофора»

В железном вираже Октября,

Бескрайне ярким крилатым

Она несет тепло свое,

Бездонный негр из южных штатов С надеждой смотрит на нее.

Благословленным лучами

Нам будет сея она светы,

И погаснет ее ветрами

И окончано не засиять.

—

Горит матишинским узором

Над нашей Родиной заря.

Горит, занавеской «Аэрофора»

В железном вираже Октября,

Бескрайне ярким крилатым

Она несет тепло свое,

Бездонный негр из южных штатов С надеждой смотрит на нее.

Благословленным лучами

Нам будет сея она светы,

И погаснет ее ветрами

И окончано не засиять.

—

Горит матишинским узором

Над нашей Родиной заря.

Горит, занавеской «Аэрофора»

В железном вираже Октября,

Бескрайне ярким крилатым

Она несет тепло свое,

Бездонный негр из южных штатов С надеждой смотрит на нее.

Благословленным лучами

Нам будет сея она светы,

И погаснет ее ветрами

И окончано не засиять.

—

Горит матишинским узором

Над нашей Родиной заря.

Горит, занавеской «Аэрофора»

В железном вираже Октября,

Бескрайне ярким крилатым

Она несет тепло свое,

Бездонный негр из южных штатов С надеждой смотрит на нее.

Благословленным лучами

Нам будет сея она светы,

И погаснет ее ветрами

И окончано не засиять.

—

Горит матишинским узором

Над нашей Родиной заря.

Горит, занавеской «Аэрофора»

В железном вираже Октября,

Бескрайне ярким крилатым

